

Владимир А. Гуторов
Санкт-Петербургский государственный университет

Традиции британской конституции: современные дилеммы и интерпретации¹

Во второй половине XX века анализ уникального характера британской неписаной конституции ознаменован интеллектуальными прорывами, получившими всеобщее признание. Речь идет, прежде всего, о всем известной работе Джона Покока «Древняя конституция и феодальное право»². Но и в дальнейшем появлялись труды, имеющие принципиально важное значение. Это, прежде всего, книги Антони Кинга, Колина Терпина и Адама Томкинса, Дэвида Смита, Йэна Маклина, Джоша Шефетца, Джанелл Гринберг, и, конечно, фундаментальный труд Нэвила Джонсона и ряд других³.

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского Фонда фундаментальных исследований и Экспертного института социальных исследований, проект № 19-011-31066 «Символическая политика в современной России: глобальные риски, гражданская идентичность и векторы исторической памяти».

ACKNOWLEDGEMENTS. The article was prepared with the support of the Russian Foundation for Basic Research and the Expert Institute of Social Research, project No. 19-011-31066 "Symbolic politics in modern Russia: global risks, civil identity and vectors of historical memory".

² J.G.A. Pocock, *The Ancient Constitution and the Feudal Law. A Study of English Historical Thought in the Seventeenth Century. A Reissue with a Retrospect*, Cambridge University Press, Cambridge 1987.

³ A. King, *British Constitution*, Oxford University Press, Oxford 2009; C. Turpin, A. Tomkins, *British Government and the Constitution. Text and Materials, Sixth Edition*, Cambridge University Press, Cambridge 2007; D.L. Smith, *Constitutional Royalism and the Search for Settlement, c. 1640 — 1649*, Cambridge University Press, Cambridge 2002; I. McLean, *What's Wrong with the British Constitution?* Oxford University Press, Oxford 2010; J. Chafetz, *Democracy's Privilege Few. Legislative Privilege and Democratic Norms in British and American Constitutions*, Yale University Press, London — New Haven 2007; J. Greenberg, *The Radical Face*

Разумеется, изучить в одной статье все многообразные нюансы вклада этих ученых в интерпретацию британской конституции невозможно. Автор ставит перед собой довольно скромную цель, а именно — рассмотреть некоторые аспекты английской традиции в контексте теоретических дискуссий, посвященных проблемам демократии, в частности, сравнению европейской и американской моделей. В обоих случаях термин «демократия» используется в токвилевском смысле как «конституционное упорядочивание социальных и институциональных отношений»⁴. В научной литературе довольно часто обосновывается идея, согласно которой

... в конституционном плане Америка и Европа четко различаются. Данное различие является следствием воздействия двух отдельных друг от друга традиций, воплощенных в различных конституционных структурах. Институционализация этих структур стимулировала различные политико-культурные подходы в Америке и Европе к проблемам, связанным с демократизацией. Эти два подхода (либеральный в Америке и демократический в Европе) до сих пор разделяют два побережья Атлантики⁵.

Это позволяет объяснить, почему все попытки импортировать американскую модель обычно заканчивались неудачей. Значение британского опыта в формировании американских институтов в настоящее время оценивается рядом ученых довольно негативно в том смысле, что при всех различиях политического устройства Великобритании и стран континентальной Европы, британское конституционное устройство именуется все же «европейским»⁶. Хотя и допускается, что «в Британии концепция Короны заменяет континентальную европейскую концепцию государства», данное различие признается не столь значительным, чтобы отрицать «европейскую идентичность» британской конституции как таковой. Обосновывая данный тезис, итальянский политолог Серджио Фаббрини выдвигает следующие доводы:

... Моя позиция в данном вопросе сориентирована на конституционную структуру демократии (а не на степень ее «огосударствления»), означающую специфическую институционализацию конституционных

of the Ancient Constitution. St. Edward's "Laws" in Early Modern Political Thought, Cambridge University Press, Cambridge 2001; N. Johnson, *Reshaping the British Constitution. Essays in Political Interpretation*, Palgrave Macmillan, New York 2004.

⁴ S. Fabbrini, *American Democracy from a European Perspective*, "Annual Review of Political Science", 1999, no. 2, p. 466.

⁵ *Ibidem*.

⁶ *Ibidem*, p. 468.

принципов, которые были реализованы в европейских странах. С этой точки зрения, Америка безоговорочно отличается от всех (западно) европейских стран. Все западноевропейские страны развивали монистическую конституцию, основанную на британском проекте, т.е. конституцию, которая не делает различий между решениями народа и решениями его представителей. Америка, напротив, имеет дуалистическую конституцию, в которой типы решений не только различаются, но и иерархически соподчиняются (в том смысле, что решения представителей должны быть заключены в институциональный контекст, определяемый решениями народа). В Америке конституционная политика является занятием (business), вовлекающим [лозунгом] “Мы — народ”; в Европе — [лозунгом] “Мы — представители”. Это различие было очевидным с самого начала. Джеймс Мэдисон писал: “Даже в Великобритании, где принципы политической и гражданской свободы постоянно и напряженно дискутировались..., считается, что авторитет парламента трансцендентен и не подлежит контролю как с точки зрения Конституции, так и в плане ординарных целей законодательных процедур ... Холмс [по данному вопросу] давал следующие комментарии: “Хотя британское правительство является умеренным, оно не является ‘конституционным’ в американском смысле. В пассаже, хорошо известном всем американским ‘отцам-основателям’ и комментаторам (framers), сам Блэкстон поставил в этом вопросе точку: ‘Парламентские акты, умаляемые полномочиями последующих парламентов, не обязывают’”⁷.

Проблема влияния британской правовой традиции на эволюцию североамериканской общественной мысли, политических институтов и идеологии, формировавшихся на протяжении нескольких столетий, в настоящее время представляет не только чисто исторический интерес. Ее анализ затрагивает многообразный спектр вопросов, связанных, в частности, и с постоянно актуализируемыми американскими политиками, учеными и философами темами мессианской роли США в современном мире, уникальной исторической миссии американской нации и неповторимости накопленного ею опыта конституционного строительства. Разумеется, далеко не всегда мессианское чувство избранности приобретало столь высокую степень интенсивности, которая несколько неожиданно проявилась в заявлениях президента Б. Обамы летом и осенью 2013 г.

В ранний период республики, — отмечал Артур М. Шлезингер-младший, — доминирующей была идея о том, что Америка — это эксперимент, предпринятый вопреки истории, чреватый риском, проблематичный по результатам... Первое поколение независимой Америки, по словам Вудро Вильсона, “смотрело на новое федеральное устройство как на

⁷ *Ibidem*, pp. 468-469.

эксперимент и думало, что он, возможно, будет недолговечным"... Эта всепроникающая неуверенность в себе, это острое ощущение ненадежности существования нации подпитывались европейскими оценками американских перспектив, поскольку влиятельные европейцы рассматривали новый мир не как идиллическое воплощение счастья в духе Локка — “вначале весь мир был Америкой”, — но как зрелище отвратительного вырождения⁸.

Такая, окрашенная изрядной долей исторического пессимизма *традиция* восприятия перспектив эволюции национальной государственности, которое отцы-основатели США приобрели, штудировав труды Полибия, Цицерона, Тацита, Н. Макиавелли и Дж. Гаррингтона, постепенно стала вытесняться *контртрадицией* провиденциального предназначения американского народа.

Обретенная независимость придала новый статус теории Америки как “избранной нации” (Беркович) или “нации-искупительницы” (Э.Л. Тьювсон), которой Всевышний доверил задачу нести свой свет погрязшему в грехах миру... Как объяснить этот растущий оптимизм? Частично это была дань признания, достаточно обоснованная, тому, что США выжили; частично — ура-патриотизм и тщеславие, органически присущие нарождавшемуся национализму. Частично это также, несомненно, был призыв, содержащий упрек: не будем отбрасывать то, чего достигли с таким трудом, поскольку президенты того периода, должно быть, нутром чувствовали, что американскому эксперименту предстоит тяжелейшее внутреннее испытание... Так борьба между реализмом и мессианством, между теориями эксперимента и судьбы продолжается до настоящего времени⁹.

Приведенные выше рассуждения, написанные выдающимся американским историком в середине 1980-х гг., в немалой степени формировались, как можно легко предположить, под влиянием событий, связанных с некоторыми странностями празднования двухсотлетнего юбилея джефферсоновской «Декларации независимости».

Американцы, — отмечал в 1975 г. политический философ Дж. М. Бьюканан в книге “Пределы свободы. Между анархией и Левиафаном”, — разочаровались в статус-кво. Это больше чем голословное утверждение и больше чем намек на неудовлетворенность людей всех возрастов. Существует различие между позицией граждан в отношении институтов их общества в 1970-е гг. и позицией, существовавшей перед 1960 г. Вера

⁸ А.М. Шлезингер, *Циклы американской истории*, Издательская группа “Прогресс”, “Прогресс-Академия”, Москва 1992, с. 28, 25, 21.

⁹ *Ibidem*, с. 30, 27, 37.

в “Американскую Мечту” повсеместно исчезла и ее возобновление не просматривается в ближайшем будущем. Кто бы мог предсказать, что крупные американские города продемонстрируют такую неохоту отмечать двухсотлетие рождения нации?¹⁰

С тех пор исторический маятник, регулирующий настроения и чувства американцев, продолжал примерно раз в десятилетие описывать полный круг — от крайнего или умеренного пессимизма (поражение во Вьетнаме, дело «Иран-контрас», дело «Моники Левински», события 11 сентября 2001 г. и др.) до упомянутых выше оптимистических речей Б. Обамы. Причины подобного перепада настроений и чувств некоторые ученые склонны объяснять нарастающим процессом атомизации американского общества, начавшимся еще в послевоенный период¹¹, и сегментации политической жизни и культуры. Как отмечает американский политолог Р. Мадсен, ссылаясь на мнение историка Р. Вибе,

... то, что держит американцев вместе, это их способность жить врозь. Американское общество никогда не было связано неким образующим свод консенсусом верований, ценностей или теорий социального порядка; оно, скорее, раздроблено на бесчисленные сегменты — “первичные сферы идентичности, ценностей, ассоциаций, целей” — которым удавалось, тем не менее, сосуществовать более или менее мирно (по сравнению с другими странами). Их успех в мирном сосуществовании был связан с их успехом в самоизоляции друг от друга. В ранние периоды американской истории такое отгораживание было возможно благодаря изобилию американского общества... В обществе изобилия, основанном на динамичной, постоянно растущей экономике, члены каждого сегмента могли фокусировать свою энергию в наибольшей степени внутрь, [сосредотачиваясь] на задаче приобретения собственной доли изобилия. Их не слишком беспокоило то, что преуспевание других сегментов могло подорвать их собственные шансы на успех — успех, понимаемый в терминах общих ценностей их собственного сегмента. Они могли занимать по отношению к другим сегментам позицию благожелательной небрежности... Но в конце двадцатого века изобилие, которое давало возможность разнообразным сегментам американского общества отгораживаться друг от друга, исчезло»¹².

¹⁰ J. M. Buchanan, *The Limits of Liberty. Between Anarchy and Leviathan*, The University of Chicago Press, Chicago — London 1975, p. 91.

¹¹ R.E. Lane, *Political Life. Why People Get Involved in Politics*, The Free Press of Glencoe, Inc., 1961, p. 352-353..

¹² R. Madson, *Contentless Consensus. The Political Discourse of a Segmented Society*, [in:] *America at Century's End*, ed. by A. Wolfe, University of California Press, Berkeley, Los Angeles

Другим немаловажным фактором, существенно видоизменившим к концу XX в. многие аспекты социально-политической жизни США, было стремительное увеличение бюрократии.

Американская бюрократия сегодня, — утверждает П. Вул, — является важной четвертой ветвью государственного управления. Слишком часто административную ветвь без разбора подводят под заголовок “исполнительная” и рассматривают как подчиняющуюся президенту. Но... бюрократия нередко становится автономной, действуя вне контроля со стороны Конгресса, президента и даже судебных органов. Этот факт поднимает важную проблему для нашей конституционной демократии: как можно заставить бюрократию быть ответственной, если она не вписывается в конституционные рамки, созданные для того, чтобы гарантировать ограниченное и ответственное правительство?¹³

Сегментация американского социума, одной стороны, и рост бюрократии на правительственном уровне, — с другой не могут не влиять на изменение вектора развития США в направлении, сближающим эту страну с другими развитыми нациями, прежде всего — западноевропейскими, о чем еще в начале XX в. предупреждал М. Вебер¹⁴. Даже если признать по прежнему справедливым замечание М. ван Кревельда о том, что «Америка — это нечто большее, чем страна или нация. Это и то, и другое, но плюс к этому это еще и мировоззрение... еще и идеология, почти светская религия»¹⁵, такого рода констатация не снимает необходимости в постановке вопроса о том — являются ли американская идеология и ее религиозные основания настолько уникальными, чтобы и сегодня поддерживать исторический миф об их исключительности? Так или иначе, независимо от характера ответа на данный вопрос, можно утверждать, что США, которые в XIX-XX вв. внесли огромный вклад в создании глобальной «рыночной утопии»¹⁶, в настоящее время в значительной степени утратили свой утопический потенциал, составлявший прежде чуть ли не главный источник своеобразия их пути раз-

— Oxford 1991, p. 457-458.

¹³ *American Government. Readings and Cases*. Eleventh Edition, ed. by P. Woll, Harper Collins College Publishers, New York 1993. p. 349.

¹⁴ В.А. Гуторов, *К вопросу об эволюции веберовской концепции социализма в политическом и научном дискурсах XX в.* “ПОЛИТЭКС. Политическая экспертиза”, 2012, Т. 8, № 1, с. 5-17.

¹⁵ М. ван Кревельд, *Американская загадка*, ИРИСЭН, Мысль, Москва 2008, с. 83-84.

¹⁶ К. Поланьи, *Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени*, Алетея, Санкт-Петербург 2002, с. 269-277.

вития¹⁷. Речь идет не о социалистических утопических экспериментах, которые осуществляли на американской почве многочисленные последователи Ш. Фурье и Р. Оуэна, но, прежде всего, о «либеральной утопии», восходящей к имеющим антиаристократическую направленность мечтаниям о «фермерской республике» Т. Джефферсона, полагавшего, что «добродетели могут процветать только в обществе, состоящем из небогатых фермеров» и верившего, что «мелкий фермер представляет социальный тип добродетельного человека»¹⁸.

Анализ исторических особенностей американского либерального конституционализма возвращает нас к проблеме европейских истоков либеральной идеологии. Л. Харц, неоднократно настаивавший в своей широко известной работе «Либеральная традиция в Америке» на необходимости изучения американской истории «в неразрывной связи с историей европейского общества»¹⁹, фактически ограничивает эту «неразрывную связь» резким противопоставлением «природы американского общества, где не было феодальных институтов», европейской традиции, сохранившей «феодальные структуры и феодальный этос»²⁰. В частности, он утверждает:

Одна из главных характерных черт общества без феодальных корней — отсутствие подлинных революционных традиций, которые в Европе связываются с Английской и Французской революциями. Члены подобного общества, по словам Токвиля, «рождены равными». А там, где нет революционной традиции, нет и традиции реакции на нее: нет Робеспьера, не может быть и де Местра, нет Сиднея, нет и Карла II. Как сказал Сантаяна, имея в виду американскую демократию, либерализм этого общества — «естественный» феномен... В своем анализе истории Маркс допустил ошибку, когда связал возникновение социалистической идеологии с объективным развитием экономических сил. В действительности социализм — это во многом идеологический феномен, obligatory своим появлением классовой теории и либеральной революции, рожденный на почве старого порядка. И вовсе не случайно в

¹⁷ Э.Я. Баталов, *Социальная утопия и утопическое сознание в США*, Издательство «Наука», Москва 1982; Л.Ю. Слезкин, *У истоков американской истории. Массачусетс. Мэриленд, 1630–1642*, Издательство «Наука», Москва 1980.

¹⁸ А. Макинтайр, *После добродетели, Академический проект*, Деловая книга, Москва — Екатеринбург 2000, с. 265, 322; см. также: С. Падовер, *Джефферсон, третий президент США*, Телекс, Нью-Йорк 1991, с. 56.

¹⁹ Л. Харц, *Либеральная традиция в Америке*, Издательская группа «Прогресс» — «Прогресс-Академия», Москва 1993, с. 14; ср.: *American Political Thought. An Alternative View*, ed. by J. Keller and A. Zamalin, Routledge, New York — London 2017, p. 1-4.

²⁰ *Ibidem*, с. 14.

Америке, не знавшей феодальных традиций, отсутствуют и социалистические традиции. Скрытые корни социалистической мысли повсюду на Западе можно обнаружить в феодальном этосе. Феодальный строй инспирировал теории Руссо, а вместе они инспирировали Маркса²¹.

В этой довольно упрощенной схеме, объединяющей бесконечно повторяемый, похожий на заклинание, тезис об отсутствии в США какой-либо почвы для социалистических идей с концепцией о феодальных корнях марксистского социализма, которая еще в начале 1920-х гг. была сформулирована Н. Бердяевым в работе «Новое средневековье»²², по существу не только отрицается типологическое сходство борьбы американцев за свою независимость с революционными событиями в Великобритании и Франции, а также «феодальные корни» романтических консервативных идей Г. Торо и Р. У. Эмерсона, но и социалистический характер идей, развиваемых С.М. Липсетом — современником Харца и теоретиком американской версии либерального консерватизма. Как справедливо отмечал Р. Низбет, автор одной из самых популярных книг, посвященных «анатомии» консервативной мысли, феодальные принципы государства и общества

... никогда не забывались консерватизмом, за исключением ситуаций, вызванных чрезвычайными обстоятельствами или же чисто политической необходимостью. Дизраэли, Ньюман, Токвиль, Бурже, Годкин, Бэббит, все они, вплоть до таких консерваторов наших дней как Оукшотт, Фёгелин, Жувенель и Кирк, ничего так не подчеркивали столь отчетливо по сравнению с предъявляемым к политическому государству требованием держаться, по возможности, как можно дальше от вмешательства в экономическую, социальную и нравственную сферы и, наоборот, *делать* все возможное для укрепления и расширения функций семьи, отношений соседства и добровольных кооперативных ассоциаций. И в практической политике на протяжении двух последних веков, как в Америке, так и в европейских странах, отличительным признаком консервативной политики была все возрастающая ее приверженность частному сектору, семье, местному сообществу, экономике и частной собственности и, в существенной степени, — децентрализации правительства и созданию таких политических условий, когда все более возрастает уважение к корпоративным правам небольших подразделений государства и общества. Однако сколь бы не странной могла показаться, на первый взгляд, мысль о том, чтобы приклеить язык феодальности

²¹ *Ibidem*, с. 15-16.

²² Н. Бердяев, *Новое средневековье*, Издательство политической литературы, Москва 1990, с. 62; см. подробнее: В.А. Гуторов, *Политика: наука, философия, образование*, СПбГУ, Санкт-Петербург 2011, с. 98-126, 291-326.

на такие продукты американской культуры, как Кулидж, Гувер, Голдуотер и Рейган, а также и на их английских контрагентов, их философии управления заслуживают именно такого ярлыка»²³.

В связи с этим весьма характерно, что в 1960-1970-е гг. многие, в принципе, даже консервативно настроенные американские политологи были склонны с полным вниманием относиться к перспективе слияния преимуществ рыночной экономики с теорией и практикой западноевропейской социал-демократии. Например, С.М. Липсет — один из видных консервативных теоретиков и ученый, пользующийся большой популярностью в академических кругах вследствие своих бесспорных заслуг перед политической наукой, анализируя проблему «конца идеологии» и предвещая в 1963 г. в работе «Революция и контрреволюция» наступление нового периода идеологической интеграции, в частности, отмечал:

Классовые конфликты по вопросам, связанным с разделом всего экономического пирога, влиянием на различные институты, символический статус и возможности, не только продолжают и при отсутствии *Weltanschauungen*, но и... упадок таких тотальных идеологий не означает конца идеологии. Точнее, приверженность политике прагматизма, правилам игры, определяющим коллективное соглашение, постепенным изменениям в направлении, поддерживаемом левыми или правыми, оппозиция как всеобъемлющему централизованному государству, так и *laissez-faire*, являются составными частями идеологии. «Примирение фундаментальных принципов», идеологический консенсус западного общества в настоящее время постепенно приводит к взаимопроникновению позиций по вопросам, которые когда-то резко отделяли «левых» от «правых». Это идеологическое соглашение, которое, возможно, лучше всего назвать «консервативным социализмом», стало идеологией ведущих партий в развитых государствах Европы и Америки²⁴.

О прочности такого рода взглядов, уходящих корнями в традицию либеральной политической философии Д.С. Милля, свидетельствует и тот факт, что даже после того, как в американской политике уже взяла верх неоконсервативная тенденция, один из ее главных выразителей — Майкл Новак (ставший сотрудником госдепартамента в администрации Р. Рейгана) вполне сочувственно комментировал выводы М. Харринг-

²³ R. Nisbet, *Conservatism: Dream and Reality*, University of Minnesota Press, Minneapolis 1986, p. 38; см. подробнее: К. Манхейм, *Диагноз нашего времени*, Юрист, Москва 1994, с. 600-653.

²⁴ S. M. Lipset, *Political Man. The Social Bases of Politics*, The Johns Hopkins University Press, Baltimore, Maryland 1981, p. 555.

тона (политического теоретика-социалиста, автора самого термина «неоконсерватизм»), согласно которым «многие из духовных реальностей, претендовавшие на то, чтобы носить имя “социализм”, были реализованы под другим именем, именем “Америка”»²⁵. Как справедливо отмечает Теда Скокпол, полемизируя с концепцией Л. Харца,

... вместо того, чтобы ассимилировать случай США (the U.S. case) в рамках всемирной логики индустриализма, некоторые [ученые] стремились выдвигать на передний план “американскую исключительность”, всячески выявляя роль страны с чрезвычайно мощными либеральными ценностями... Представители школы национальных ценностей убедительно демонстрируют всеобщую связь между главными культурными традициями, формами и рациональным характером социальной политики. Их аргументы особенно похвальны в целях противопоставления стран, находящихся на противоположных полюсах в соответствии с принципом “авторитаризм против либерализма”. Тем не менее, сторонники такого подхода, как правило, терпят неудачу, будучи не в состоянии в точности указать — каким именно образом культурные ценности, интеллектуальные традиции и идеологические представления конкретно влияли на развитие политических конфликтов и споров, связанных с политикой. Эти ученые мужи не обращались также к наиболее трудным, ставящим в тупик, вопросам, связанным с политической культурой и развитием социальной политики США²⁶.

На наш взгляд, одним из путей преодоления обозначенных выше трудностей является внимательное отношение к проблеме влияния на американский политический дискурс британской политической традиции вообще и традиции английского общего права (*common law*), — в частности. В общесоциологическом плане определяющую роль британского опыта в формировании американских институтов и политической идеологии, была обоснована Ш. Эйзенштадтом в конце 1970-х гг. Констатируя взаимосвязь результатов революций в Европе и Америке с особенностями структуры центров в предреволюционных обществах, Эйзенштадт подчеркивал, что в противоположность Английской и Французской революциям главным результатом Американской революции явилось

... установление новых границ политического сообщества и введение новой символики его национальной (а не только политической) иден-

²⁵ M. Novak, *The Spirit of Democratic Capitalism*, Madison Books, Lanham — New York 1991, p. 139.

²⁶ Th. Skocpol, *Early U.S. Social Policies: A Challenge to Theories of the Welfare State*, [in:] *New Perspectives on American Politics*, ed. by L. C. Dodd & C. Jillson. CQ Press. A Division of Congressional Quarterly Inc., Washington, D.C. 1994, pp. 270-271; ср.: С.М. Соловьев, *Чтения и рассказы по истории России*, Правда, Москва 1989, с. 417.

тичности... Определение новых границ сосредоточивалось не на этнических, региональных или иных естественных привязанностях, но скорее на установлении гражданских символов новой политической системы..., когда основанием политического сообщества стала новая политическая идеология, в центре которой оказалось то, что Р. Белла назвал “гражданской религией”... Хотя новые гражданские символы легитимности подчеркивали отделение от материнской страны или же от страны-завоевательницы, в случае Америки они фактически были производными от основных принципов английской политической системы²⁷.

Решающую роль в сохранении такого рода преемственности играл процесс становления в Англии правового государства (Rule of Law), связанный «с расширением доступа различных по происхождению групп, особенно представлявших средние слои, к важнейшим рынкам, а также с их растущим контролем за перемещением ресурсов между рынками»²⁸.

Фундаментальные труды К. Скиннера и Д. Покока со всей непреклонностью продемонстрировали несостоятельность представлений, согласно которым как теория конституционализма, предположительно заимствованная «отцами-основателями» из сочинений Д. Локка и Ш.-Л. де Монтескье, так и идейные предпосылки, положенные в основу решительных мер, предпринятых американскими колонистами с целью разрыва с метрополией, могут быть сведены к двум-трем философским трактатам или ярким речам и памфлетам Т. Пейна. Своими корнями эти идеи уходят в традиции политической мысли европейского средневековья, Возрождения и раннего нового времени, получившие новые импульсы в Англии в эпоху революционного брожения и радикальных трансформаций.

Философы-томисты эпохи Контрреформации, — отмечает К. Скиннер в фундаментальном труде “Основания современной политической мысли”, — часто изображались как главные создатели современной конституционной и даже демократической мысли. Суарес приветствовался как “первый современный демократ”, Беллармин ценился за раскрытие “подлинных истоков демократии”, а иезуитам в целом приписывалось “изобретение” концепции общественного договора и первоначальное исследование ее применения для разработки теории справедливости. В этих заявлениях, конечно, содержится элемент истины. Черпая из своего томистского наследия, теоретики Контрреформации не только пришли к определенному числу радикальных популистских выводов, но также

²⁷ Ш. Эйзенштадт, *Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций*, Аспект Пресс, Москва 1999, с. 271, 275.

²⁸ *Ibidem*, с. 272.

служили основным каналом, через который контрактарианский подход к дискуссии о политических обязательствах в конечном итоге стал оказывать решающее влияние на направление развития в следующем веке. Если мы заглянем вперед, например, на *Два трактата о правлении* Джона Локка, мы установим, что он воспроизводит некоторое число наиглавнейших положений иезуитских и доминиканских авторов... Он соглашается с их представлением о той кардинальной роли, которую необходимо приписывать *ius naturale* в любом легитимном политическом сообществе, изображая его как “вечный принцип для всех людей” и настаивая на том, что все предписания наших законодателей должны находиться в “соответствии” с его требованиями. И когда мы обращаемся к обсуждению того — каким образом политическое сообщество, основанное на этом законе, обретает существование — он поддерживает оба основных аргумента, которые уже выдвигали иезуиты и доминиканцы. Он предлагает классическое переосмысление их тезиса, согласно которому, для того, чтобы “правильно понимать политическую власть и выводить ее из ее источника”, мы должны спросить “в каком состоянии все люди являются естественными” и признать, что это состояние будет состоянием “совершенной свободы”²⁹.

Таким образом, отмечает Д. Покок в книге «Макиавеллиевский момент»,

Американская революция, которая более старой школе историков представлялась рационалистическим или натуралистическим разрывом со старым миром и его историей, теперь представляется нам вовлеченной в сложные отношения как с английской, так и с ренессансной культурной историей и с традицией мысли, которая изначально сталкивала политического человека с его собственной историей и ко времени революции [уже] использовалась для выражения ранней формы спора с современностью. Теперь возможно исследовать историю американского сознания путем поиска того, какие проявления проблем, имеющих республиканскую перспективу, могут быть здесь найдены³⁰.

Идя по этому пути, нетрудно установить, что риторика революционных лет имеет свои яркие аналоги в парламентских речах и письмах в защиту американских колонистов, принадлежащих Эдмунду Бёрку — основоположнику европейского консерватизма, и даже в сочинениях его

²⁹ Qu. Skinner, *The Foundations of Modern Political Thought*. Vol. 2. *The Age of Reformation*, Cambridge University Press, Cambridge 2006, pp. 174-175.

³⁰ J.G.A. Pocock, *The Machiavellian Moment. Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition*, Princeton University Press, Princeton — Oxford 2003, p. 506.

отдаленного предшественника, политического теоретика и памфлетиста второй половины XVI в. Роберта Парсонса³¹.

Несмотря на неопровержимые аргументы, приводимые Пококом, Скиннером и другими последователями Кембриджской школы истории понятий, и убедительность их доказательств в поддержку тезиса о преемственности американской политической культуры с более ранними традициями английской политической мысли, проявляющейся нередко с самой неожиданной, например, консервативной и даже «корпоративистской» стороны³², в США до сих пор имеется немало влиятельных теоретиков и интеллектуалов, по-прежнему отстаивающих тезис об исторически обусловленных радикальных отличиях американской либеральной трактовки проблем государства и права от британской.

Показателем американской антипатии к власти и правительству, — утверждал С. Хантингтон, — является виртуальное отсутствие понятия “государство” в американской мысли. В своей современной форме идея государства возникла в шестнадцатом и семнадцатом столетиях и достигла расцвета в последующую эпоху абсолютизма. Макиавелли, Гоббс и Боден были ее пророками, континентальные абсолютные монархи — ее творцами. Идея государства предполагала концентрацию суверенитета в рамках единой, централизованной правительственной власти. Это понятие никогда не имело прочного влияния среди колонистов английской Северной Америки, которые привезли с собой более старую традицию, укорененную в средневековом конституционализме и сочинениях сэра Томаса Смита, Ричарда Хукера и сэра Эдварда Коука. В то время как англичане семнадцатого столетия обсуждали суверенитет парламента в противовес суверенитету Короны, американцы избегали обоих. Вопреки громоподобным заявлениям Блэкстона о том, что во всех государствах “имеется и должна быть” “высшая, непреодолимая, абсолютная и бесконтрольная власть, на которой основывается *jura summi imperii*, или права суверенитета”, американцы упрямо держались за противоположную позицию на протяжении всего восемнадцатого века. В результате развитие конституционных и политических

³¹ Э. Бёрк, *Правление, политика, общество. Сборник*, КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, Москва 2001; Р. Долеман (Роберт Парсонс), *Рассуждения о наследовании английского престола. 1594*, Пер. с англ., вступ. статья и комм. А.Ю. Серegiной, *Русский Фонд Содействия Образованию и Науке*, Москва 2013; см. также: Chr. Morris, *Political Thought in England*. Tynedale to Hooker, Oxford University Press, London — New York — Toronto 1953, pp. 43, 135-137, 139-140.

³² См. например: Д. Харви, *Краткая история неоллиберализма. Актуальное прочтение*, Поколение, Москва 2007, с. 41-42; Д. Бурстин, *Американцы: демократический опыт*, Изд. группа “Прогресс” — “Литера”, Москва 1993, с. 529-530; Д. Бурстин, *Американцы: колониальный опыт*. Изд. группа “Прогресс” — “Литера”, Москва 1993, с. 31-32.

идей в Англии было отделено от аналогичных идей в Америке. Джемс Бенхам и утилитаристы с их акцентировкой на централизованную власть, рациональность и полезность (по принципу противоположности рассредоточенной власти, морали и естественных прав) имели слабое влияние на американскую мысль. В самом деле, Бенхам осуждал Декларацию Независимости как “смесь (hodge-podge) неразберихи и абсурда, в которой теория, нуждающаяся в доказательствах, постоянно принимается как нечто само собой разумеющееся”. Только в конце девятнадцатого века, когда некоторые американские ученые (среди них Вудро Вильсон) обучались в Германии, государство действительно появилось в американской политической мысли³³.

В приведенном выше рассуждении одного из наиболее влиятельных американских политологов и консервативных теоретиков хорошо просматривается именно принципиальная идеологическая позиция, которая последовательно проводится, невзирая на очевидные, доступные любому образованному человеку факты. Например, сравнительный анализ американской и британской политической мысли раннего нового времени свидетельствует о том, что и для последней было также характерно «виртуальное отсутствие понятия “государство”».

Начиная с семнадцатого столетия, — отмечает К. Дайсон, — Англия отклонялась от общего европейского развития. Политическая и юридическая концепция государства не развивалась и сам термин использовался мало... Ссылались на королевство, страну, народ, нацию и правительство. Термин государство sporadически использовался как синоним нации и сообщества как целого, например, Блэкстоном и Эдмундом Бёрком, но не для обозначения юридического лица исполнительной власти или же собирательного термина, [характеризующего] целое или часть правительственной машины³⁴.

Нет ничего удивительного в том, что, обустроиваясь в Новом Свете, колонисты стремились «всемерно избегать создания институтов и учреждений по собственному разумению»³⁵ и разрабатывали принципы законодательства, следуя преимущественно английским образцам. Инерция подражания оказалась настолько сильной, что даже после окончания войны за независимость, встав на путь конституционного

³³ S.P. Huntington, *American Politics: The Promise of Disharmony*, The Belknap Press of Harvard University Press, Cambridge, Mass. — London 1981, pp. 34-35.

³⁴ Цит. по: А. Torre, *Interpretare la costituzione britannica. Ininerari culturali a confronto*, G. Giappichelli Editore, Torino 1997, p. 185; см. также: С. Jillson, *The American Dream in History, Politics, and Fiction*, University Press of Kansas, Lawrence, Kansas 2016, p. 4;

³⁵ Д. Бурстин, *Американцы: колониальный...*, с. 33.

строительства, основанного на кодексе писаных законов, американские лидеры отвергли предложение Дж. Бентама, предлагавшего в письмах к президенту Мэдисону, губернаторам штатов и американскому народу составить полный кодекс законов США по примеру принятого во Франции в 1804 г. наполеоновского кодекса³⁶.

Преимственность с британской традицией неписаной конституции и общего права (*common law*), пожалуй, наилучшим образом просматривается в отношении американцев к наследию У. Блэкстона, образцового английского юриста-эрудита, автора обширных комментариев к английским законам (1765–1769 гг.)³⁷, которые изначально пользовались огромной популярностью по обе стороны Атлантики. В современных, имеющих итоговый характер, исследованиях (например, трактате Д. Финниса «Естественное право и естественные права») Блэкстон иногда рассматривается (правда, наряду с Монтескье) как «второстепенная фигура», не влиявшая на развитие естественно-правового раздела юридической мысли³⁸. Тем не менее значение его труда в становлении и развитии американской общественной мысли трудно переоценить.

Разве не примечателен тот факт, — пишет Д. Бурстин, — что к 1775 г. (по словам Бёрка, он узнал об этом от известного книготорговца) в Америке было продано почти столько же экземпляров «Комментариев» Блэкстона, сколько и в Англии?... Для американского права Блэкстон значил столько же, сколько для американской грамотности значил синий орфографический словарь Ноа Уэбстера. Имея в руках всего лишь четыре тома «Комментариев», любой человек, как бы далек он ни был от старинных юридических школ, от судов или законодательных учреждений, мог стать юристом-любителем³⁹.

Т. Джефферсон, как известно, хотя и считал Блэкстона родоначальником «утонченного торизма», тем не менее, полностью следовал его трактовке английского *common law* как совокупности «неписаных» принципов справедливости⁴⁰. В своем труде «Заметки о штате Вирги-

³⁶ *Ibidem*, с. 51.

³⁷ W. Blackston, *Commentaries on the Laws of England*, Clarendon Press, Oxford 1765–1769, Vol. I-IV.

³⁸ Д. Финнис, *Естественное право и естественные права*, ИРИСЭН, Мысль, Москва 2012, с. 79.

³⁹ Д. Бурстин, *Американцы: колониальный...*, с. 239-240.

⁴⁰ *American Political Thought. The Philosophic Dimension of American Statesmanship*. Second Edition, eds. by M. J. Frisch and R. G. Stevance, F.E. Peacock Publishers, Inc., Itasca, Illinois 1983, p. 97; A. Torre, *Interpretare la costituzione britannica. Ininerari culturali a confronto*, G. Giappichelli

ния», в разделе, посвященном работе «комиссии трех» по составлению свода законов штата, он, в частности, отмечал:

Общее право Англии, под которым подразумевается та часть английского права, которая предшествовала древнейшему из дошедших до нас статутов, послужило для этой работы основой. Считалось рискованным пытаться свести его к какому-либо тексту. Поэтому решено было сохранить порядок обычного обращения к памятникам общего права⁴¹.

С именем Д. Маршалла, возглавлявшего Верховный суд США в 1801-1835 гг., обычно связывают начальный этап процесса, установившего принцип судебной перепроверки законов, до предела возвысивший судебную систему, «которая вначале была самой слабой из трех ветвей власти»⁴², и превративший Верховный суд в «вершителя судеб Конституции». Сам Маршалл, правда, утверждал в своем решении, принятом по делу «*Марбури против Мэдисона*» (1803 г.):

Сфера компетенции Суда состоит исключительно в принятии решений относительно прав индивидов... Вопросы политические по природе или, в соответствии с конституцией и законами, относящиеся к сфере исполнительной власти, никогда не могут быть допущены в этот Суд⁴³.

Однако можно вполне согласиться со следующим современным комментарием Д. М. О'Брайена:

... Как заметил Алексис де Токвиль в 1830-х гг., «Вряд ли какой-либо политический вопрос, возникающий в Соединенных Штатах, не превращается, рано или поздно, в вопрос юридический». Судебная тяжба, которая добирается до [Верховного] Суда, является политической и судебные органы по политическим причинам устанавливают — что решать и как решать дела по своему усмотрению⁴⁴.

Editore, Torino 1997, pp. 614-615; *History of American Political Thought*, ed. by B.-P. Frost and J. Sikkenga, Lexington Books, Lanham — Boulder — New York — Oxford 2003, p. 145.

⁴¹ Т. Джефферсон, *Автобиография. Заметки о штате Вирджиния*. Наука, Ленинград 1990, с. 210; см. также: G. L. Frazer, *The Religious Beliefs of America's Founders*, University Press of Kansas, Lawrence, Kansas 2012, pp. 155-156; From Many, One: *Readings in American Political and Social Thought*, ed. by R.C. Sinopoli, Georgetown University Press, Washington D.C. 1997, pp. 6-7.

⁴² М. ван. Кревельд, *Американская загадка, ИРИСЭН*, Мысль, Москва 2008, с. 42.

⁴³ Цит по: D.M. O'Brien, *Storm Center. The Supreme Court in American Politics*. Second Edition, W.W. Norton & Company, New York — London 1990, p. 209; см. также: *Political Thought and the American Judiciary*, ed. by H.L. Pohlman, The University of Massachusetts Press, Amherst 1993, pp. 144-145, 151.

⁴⁴ D.M. O'Brien, *Storm Center...*, p. 209.

Вместе с тем, важно подчеркнуть, что даже при разработке принципиально новой, радикально отличной от британской, версии политически ориентированного судопроизводства, Д. Маршалл предпочитал ссылаться на У. Блэкстона, утверждая, что «общее или неписаное право, которое наполняет собой Америку», является «субстратом» американских законов и, определяя характер их интерпретации, становится «созвучным» индивидуальным правам⁴⁵.

Наконец, еще в середине XX в. «Комментарии» Блэкстона продолжали реинтерпретироваться даже при обсуждении такого ключевого пункта для американского политического дискурса, как «первая поправка» к конституции.

Поскольку первая поправка Билля о правах, — отмечает американский политолог М.Г. Абернети, — не является абсолютной, существенная проблема, с которой приходится сталкиваться, состоит в отделении видов ограничений речи, печати и собраний, допустимых в конституционном плане, от тех, которые недопустимы. Имеются чрезвычайно различные взгляды на характер ответа по данной проблеме... Однако существует область, относительно которой, по всей вероятности, можно вполне беспристрастно прийти к всеобщему соглашению. Именно в теории Первая Поправка запрещает налагать большинство *первичных* ограничений на осуществление прав, перечисленных в Первой Поправке. Стандартной цитатой является место из «Комментариев» Блэкстона (IV, 151), в котором он утверждает, что «свобода печати ... состоит в запрете налагать какие-либо *предварительные* ограничения на публикации, а не в свободе от судебного приговора по уголовному делу, возникшему после публикации». Если в порядке расширительного толкования включить в данное положение другие права, оно будет означать, что правительство не может препятствовать выступлениям, публикациям и собраниям *до* того, как факты произнесения речи, публикации или собрания имели место, но может наказывать или чинить препятствия по собственному выбору *после*. Как часто повторял Томас Джефферсон, Блэкстон не был образцом для тех, кто стремится следовать по пути человеческой свободы»⁴⁶.

⁴⁵ Th. Skocpol, *Early U.S. Social Policies: A Challenge to Theories of the Welfare State*, [in:] *New Perspectives on American Politics*, eds. by L. C. Dodd & C. Jillson. CQ Press. A Division of Congressional Quarterly Inc., Washington, D.C. 1994, p. 97.

⁴⁶ M.G. Abernathy, *Civil Liberties Under the Constitution*. Fifth Edition, University of South Carolina Press, Columbia, South Carolina 1989, p. 340; cp.: *History of American Political Thought*, ed. by B.-P. Frost and J. Sikkenga, Lexington Books, Lanham — Boulder — New York — Oxford 2003, p. 195.

Вряд ли можно однозначно решить, является ли такое суждение справедливым или нет. Но непреложным фактом остается то, что оба направления политической мысли — и консервативное, связанное с именами Бёрка и Блэкстона, и либеральное, представленное Джефферсоном — как в прошлом, так и в наши дни в равной степени вносят решающий вклад в обеспечение гарантий свободы для тех, кто действительно ее достоин.

Vladimir A. Gutorov

The Traditions of the British Constitution: Modern Dilemmas and Interpretations

Abstract

By investigating the problem of influence of the British political tradition in general and the English *common law* tradition, in particular, on the American political discourse the author analyses the following aspects of modern theoretical discussion: in spite of the comprehensive substantiation in the works of J. Pocock, Q. Skinner and the other representatives of the Cambridge school of political language of idea of succession of the American political culture with the earlier traditions of the English political thought, nevertheless there are many influential theoreticians and intellectuals defending the thesis of the deep-rooted radical differences of the American liberal interpretation of the problems of state and law from the British political legacy. The author, on the contrary, seeks to substantiate the thesis on the continuous presence of tradition of the ancient British Constitution in the modern American political discourse and legal culture.

Keywords: British constitution, the English common law, the American constitutional tradition, political discourse, political language, political philosophy, political culture.